

Сиэн ЕКЕР

ШЕКСПИР: АКТ ВЕЧНОСТИ

Пьеса-притча в трёх актах с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

УИЛЬЯМ — Поэт, Драматург (Шекспир). Мужчина на пороге вечности, измождённый, но сохранивший достоинство. Возраст неопределён — он одновременно стар и вечно молод.

ПРИНЦ (Гамлет) — Воплощение Интеллектуальной Парализации и Вечного Сомнения. Одет в чёрное, движения замедленны, взгляд пронзителен.

КОРОЛЬ (Лир) — Воплощение Безумной Власти и Отцовской Слепоты. Седобородый, в лохмотьях величия, голос то громоподобен, то жалок.

ВОИН (Макбет) — Воплощение Убитого Сна и Проклятого Честолюбия. Руки в невидимой крови, глаза не знают покоя.

ОФЕЛИЯ — Воплощение Жертвы, Хрупкой Красоты и Безумной Мудрости. Волосы распущены, платье мокрое, в руках — травы и верёвки.

ХОР ТЕНЕЙ (4-6 актёров в чёрном) — Genius Loci театра, Эхо всех забытых ролей, Память Сцены. Они движутся как единый организм, говорят хором и порознь.

ПРИЗРАК ТЕАТРА (голос) — Дух самого Глобуса, невидимый, но всеприсутствующий.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

ТЕНЬ ГЛОБУСА — разрушенный театр в Лимбе, между жизнью и смертью. Это не просто руины, но метафизическое пространство, где материальное и духовное сплетены воедино.

АРХИТЕКТУРА СЦЕНЫ:

Полукруглая арена с прогнившими досками

Галереи, уходящие во тьму

В центре — АРХИВ ПАМЯТИ: холм из костюмов, реквизита, манускриптов

Над сценой — остатки расписного потолка с выцветшими звёздами

Справа — ЗЕРКАЛО ПРАВДЫ: огромное, треснувшее зеркало

Слева — КОЛОДЕЦ ЗАБВЕНИЯ: чёрная дыра в полу сцены

В глубине — полуразрушенная стена с окном, через которое пробивается свет

ПРОЛОГ: СТРАНА ТУМАНОВ

(Полная темнота. Тишина беременна звуками. Затем — постепенно — слои звуков наслаиваются друг на друга: далёкий прибой, ветер в пустых коридорах, скрип половиц, шелест страниц, эхо аплодисментов из прошлого, смех и рыдания, сплетённые воедино.)

ХОР ТЕНЕЙ (из темноты, голоса разрознены, создают полифонию)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Иди...

ВТОРОЙ ГОЛОС: Блуждай...

ТРЕТИЙ ГОЛОС: Не спи...

ЧЕТВЁРТЫЙ ГОЛОС: Ты наш...

ВСЕ ВМЕСТЕ: Ты наш... ты наш... ты наш...

(Появляется тусклое жёлтое пятно света — фонарь. Он качается, как маятник, освещая клубы тумана. В тумане — силуэт УИЛЬЯМА. Он идёт медленно, спотыкаясь, одна рука прижата к груди, другая вытянута вперёд, нащупывая путь.)

УИЛЬЯМ (голос хриплый, надломленный)

Я шёл к Свету... (кашляет) ...обещанному праведникам и грешникам, раскаявшимся в срок. Я шёл сквозь долину, где нет теней — ибо нет солнца. Я шёл... (останавливается, озирается) Но чем дальше я иду, тем гуще туман. Эта страна... (вдыхает) ...пахнет болотом и солью. Старыми досками и... (узнавание в голосе) ...гримом?

(Пауза. Он прислушивается.)

Где же Великая Драма после жизни? Где суд? Где ангелы с трубами и демоны с вилами? Где... (почти с отчаянием) ...где хоть какая-то определённая?

ХОР ТЕНЕЙ (голоса обволакивают его, звучат отовсюду и ниоткуда)

Великая Драма... здесь...

Здесь... здесь... здесь...

Ты искал театр...

Ты нашёл театр...

Последний театр...

Первый театр...

Единственный театр...

(УИЛЬЯМ видит перед собой массивную деревянную дверь, возникшую из тумана. Она покрыта резьбой — маски комедии и трагедии, переплетённые в гротескном танце. Дверь приоткрыта, из щели пробивается мертвенно-бледный свет.)

УИЛЬЯМ (шёпотом, но в голосе — и страх, и надежда)

Дверь... Всегда дверь. В каждой пьесе — вход и выход. (Протягивает руку, касается дерева.) Тёплая... Живая... Или я уже настолько мёртв, что не

различаю?

(Он толкает дверь. Она распаивается с протяжным стоном. Свет хлещет наружу, ослепляя. УИЛЬЯМ закрывает глаза рукой, делает шаг вперёд — и дверь захлопывается за ним с громом, эхом отдающимся в пустоте.)

АКТ I: ПЕРГАМЕНТ И КРОВЬ

СЦЕНА 1: ЛЕС СЛОВ

(Свет стабилизируется. Мы видим внутреннее пространство ТЕНИ ГЛОБУСА. Это величественные руины. Галереи зияют пустыми глазницами. Сцена — остров гниющих досок в море забвения. Над всем этим — ощущение, что пространство живое, дышащее, наблюдающее.)

(УИЛЬЯМ стоит на авансцене, медленно снимает плащ. Под ним — простая рубашка и штаны, одежда поэта, не вельможи. Он поворачивается на 360 градусов, впитывая пространство.)

УИЛЬЯМ (голос крепнет, обретает театральность — старая привычка)

«Глобус»... (пауза) Нет. Не «Глобус». Это его тень. Его призрак. Его... (ищет слово) ...его совесть?

(Делает несколько шагов по сцене. Доски скрипят под ногами — звук гипертрофированно громкий.)

Я помню... помню запах опилок и пота. Помню, как солнце било в глаза актёрам в полдень. Помню рёв партера и презрительное молчание лож. (Оборачивается к пустым галереям.) Помню... жизнь.

(Останавливается в центре сцены, там, где луч света падает из разлома в крыше.)

А это... это скелет. Остов кита, выброшенного на берег времени. (Голос падает до шёпота.) Это то, что остаётся от наших миров, когда мы уходим? Руины? Эхо? Пыль на страницах, которые никто не читает?

ХОР ТЕНЕЙ (появляются из-за АРХИВА ПАМЯТИ, движутся медленно, окружая сцену)

ПЕРВЫЙ: Пыль — это мы.

ВТОРОЙ: Эхо — это мы.

ТРЕТИЙ: Страницы — это мы.

ЧЕТВЁРТЫЙ: Мы — все роли, что ты написал и не написал.

ВСЕ: Мы — театр. Мы — память. Мы — суд.

УИЛЬЯМ (вздрагивает, всматривается в тени)

Кто вы? Стражи? Судьи? Или просто... (с горькой усмешкой) ...критики?
Вечные, неумолимые критики, которых я так боялся при жизни?

ХОР ТЕНЕЙ (смех — сухой, как шелест пергамента)

Мы — твои слова.

Мы — твои страхи.

Мы — твои дети, которых ты бросил.

Мы — твоя слава, которая тебя пожрала.

Мы — твоё бессмертие.

И твоя смерть.

УИЛЬЯМ (отступает, спотыкается)

Я... я искал покоя. Я закончил свой путь. Я сложил перо. Я вернулся в Стратфорд, к жене, к дому, к... (голос ломается) ...к молчанию. Я думал, что заслужил тишину.

ХОР ТЕНЕЙ (приближаются, голоса становятся жёстче)

Тишина — для тех, кто не кричал.

Покой — для тех, кто не будил.

Ты разбудил мир, Поэт.

Теперь мир разбудит тебя.

(Внезапно — резкий удар. Гаснет верхний свет. Остаётся только луч в центре сцены. Из темноты доносятся голоса — знакомые, но искажённые.)

ГОЛОС ПРИНЦА (из темноты, холодный, насмешливый)

«Быть или не быть — вот в чём вопрос...» Ты помнишь эти слова, Отец? Ты вложил их в мои уста. Но ты никогда не дал мне ответа.

ГОЛОС КОРОЛЯ (из темноты, громоподобный, безумный)

«Ничто не выйдет из ничего!» Ты написал это для меня, Творец. Но что вышло из твоих слов? Что?!

ГОЛОС ВОИНА (из темноты, хриплый, измученный)

«Жизнь — это повесть, что рассказал дурак, полная шума и ярости, но лишённая смысла...» Ты украл мой сон, Поэт. Теперь я украду твой покой.

ГОЛОС ОФЕЛИИ (из темноты, нежный, но от этого более жуткий — она поёт)

«Он мёртв и прах, синьора,

Над ним зелёный дерн...»

УИЛЬЯМ (кричит в темноту, голос полон отчаяния и гнева)

Явитесь! Если вы мои судьи — явитесь! Я не боюсь! Я создал вас! Я — ваш Бог!

(Тишина. Затем — смех. Множественный, разноголосый, от хохота до хихиканья. И в этом смехе — безумие.)

СЦЕНА 2: СУД ПЕРСОНАЖЕЙ

(Свет вспыхивает — резко, как удар. На сцене, вокруг УИЛЬЯМА, стоят четверо: ПРИНЦ, КОРОЛЬ, ВОИН, ОФЕЛИЯ. Они неподвижны, как статуи, смотрят на него. Их костюмы — смесь театрального великолепия и погребальных лохмотьев.)

(Долгая пауза. УИЛЬЯМ медленно поворачивается, встречаясь взглядом с каждым.)

УИЛЬЯМ (голос дрожит, но он пытается взять себя в руки)

Мои дети... Мои прекрасные, несчастные дети... Вы здесь. Вы... реальны?

ПРИНЦ (делает шаг вперёд, движение медленное, словно он идёт под водой)

Реальны? (Смешок.) Какое слово, Отец. Что реально? Твоя жизнь в Стратфорде — жена, которую ты не любил, дети, которых ты бросил ради нас? Или моя жизнь — вечная, повторяемая тысячи раз на тысячах сцен, где я каждый раз заново не могу решить, не могу действовать, не могу... (почти кричит) ...не могу умереть по-настоящему?

УИЛЬЯМ (протягивает руку)

Гамлет... Принц... Я дал тебе глубину. Я дал тебе философию, которой не было ни у одного героя до тебя!

ПРИНЦ (отшатывается от руки)

Ты дал мне тюрьму из слов! Ты сделал меня вечным вопросом без ответа! (Обращается к другим.) Он называет это «глубиной». Я называю это проклятием.

КОРОЛЬ (выступает вперёд, опираясь на посох — сломанную доску)

Ещё одна тень... (Всматривается в УИЛЬЯМА.) Нет. Не тень. Источник теней. (Голос становится требовательным.) Ты видел моих дочерей, Творец? Ты видел Корделию? Скажи мне, что она простила меня! Скажи, что в твоём раю для персонажей есть место, где старый дурак может обнять свою единственную честную дочь!

УИЛЬЯМ (потрясённо)

Лир... Я дал тебе искупление. В конце ты прозрел. Ты понял, что любовь не измеряется словами!

КОРОЛЬ (с горьким смехом)

Прозрел? Я ослеп от горя! Ты дал мне прозрение, когда уже нечего было видеть, кроме трупа моей дочери! (Приближается к УИЛЬЯМУ, почти нос к носу.) Твоё великодушие — это твоя жестокость, Поэт. Ты даёшь мудрость, когда она уже бесполезна. Ты даёшь любовь, когда её уже некому отдать.

ВОИН (стоит поодаль, руки сжаты в кулаки, голос тихий, но в нём — едва сдерживаемая ярость)

Он пахнет пергаментом. (Вдыхает.) И чернилами. И... (с отвращением) ...чистотой. Он пахнет тираном, который никогда не пачкает рук. Который посылает других убивать, а сам сидит в своём кабинете и... пишет.

УИЛЬЯМ (оборачивается к ВОИНУ)

Макбет... Я показал трагедию честолюбия. Я показал, как власть разрушает душу!

ВОИН (взрывается, бросается к УИЛЬЯМУ, останавливается в дюйме от него)

Ты заставил меня убить Сон! (Хватает УИЛЬЯМА за рубашку.) Ты понимаешь, что это значит?! Не человека — СОН! Ты превратил меня в ходячий кошмар, который не может проснуться, потому что сон мёртв! (Трясёт его.) Чувствуешь её запах, Поэт?! Кровь! Это твои чернила! Красные, липкие, вечные чернила!

(ПРИНЦ и КОРОЛЬ оттаскивают ВОИНА от УИЛЬЯМА. Тот падает на колени, задыхаясь.)

ОФЕЛИЯ (всё это время стояла в стороне, в полутени. Теперь выходит на свет. В руках — венок из верёвок и сухих трав. Она улыбается — детская, безумная улыбка)

Господа ссорятся. (Поёт, голос чистый, но в нём — надлом.)

«Ах, голь перекатная,

У нас была любовь...

Была, была, была...

А после — смерть и кровь.»

(Подходит к УИЛЬЯМУ, который всё ещё на коленях. Наклоняется, смотрит ему в глаза.)

Ты красивый, Поэт. Все поэты красивые. Они пишут о любви, а сами... (гладит его по щеке) ...сами не умеют любить. Только использовать. (Шёпотом.) Ты использовал меня, чтобы показать, как хрупка невинность. А я хотела просто... жить.

УИЛЬЯМ (слёзы текут по лицу, голос ломается)

Я... я хотел показать величие... Трагедию человеческого духа! Я хотел, чтобы люди, смотря на вас, становились лучше, мудрее, глубже!

ПРИНЦ (холодно)

Наш дух стал твоим развлечением. Наша боль — твоей славой. Наша смерть — твоим бессмертием.

КОРОЛЬ

Ты построил свой храм из наших костей.

ВОИН

Ты зажёг свой факел нашей кровью.

ОФЕЛИЯ (всё ещё рядом с УИЛЬЯМОМ, гладит его волосы)

Ты вырастил свои розы на нашей могиле.

(Пауза. УИЛЬЯМ закрывает лицо руками.)

УИЛЬЯМ (сквозь слёзы, почти неразборчиво)

Что вы хотите от меня? Раскаяния? Вот оно! (Бьёт себя в грудь.) Прощения? Я прошу! Наказания? Я готов! Только скажите... скажите, что я не зря... что мои слова не были... пустотой...

ВОИН (усмехается)

Хватит слов, Поэт. Ты всю жизнь прятался за словами. Ты писал о действии, но сам никогда не действовал. Ты писал о боли, но сам никогда не страдал — не по-настоящему.

ПРИНЦ

Ты наблюдал жизнь. Но не жил.

КОРОЛЬ

Ты описывал безумие. Но сохранял рассудок.

ОФЕЛИЯ (встаёт, отходит)

Ты пел о смерти. Но цеплялся за жизнь.

ВОИН (подходит к УИЛЬЯМУ, протягивает руку)

Давай, Поэт. Хватит слов. Пора действовать. Пора почувствовать. Пора...
(зловещая пауза) ...сыграть.

(УИЛЬЯМ смотрит на протянутую руку. Медленно, дрожа, берётся за неё.
ВОИН поднимает его.)

ВОИН

Добро пожаловать, Отец, в твою последнюю пьесу. Где ты — не автор. Ты — актёр. И роль уже написана. Нами.

СЦЕНА 3: ВОПЛОЩЕНИЕ БОЛИ

(Свет гаснет. Полная темнота. В темноте — голоса, звучащие отовсюду, как команды невидимого режиссёра.)

ГОЛОС ПРИНЦА (эхом, многократно повторяясь)

Не слова, Поэт... Действие... Действие... Действие...

ГОЛОС КОРОЛЯ

Теперь ты — наш актёр... Актёр... Актёр...

ГОЛОС ВОИНА

И сцена — твоя душа... Душа... Душа...

ГОЛОС ОФЕЛИИ

А пьеса — твоя жизнь... Жизнь... Жизнь... Но наоборот...

(Вспышка жёсткого, синего света — как молния. Он освещает только УИЛЬЯМА, стоящего в центре сцены. Остальные — тени вокруг него.)

ГОЛОС ПРИНЦА (откуда-то сверху)

Первый акт: СОМНЕНИЕ. Иди к Архиву, Поэт. Найди череп.

(УИЛЬЯМ, как загипнотизированный, медленно движется к АРХИВУ ПАМЯТИ. Роемся в костюмах и реквизите. Находит череп — театральный реквизит, но в этом свете он выглядит жутко реальным.)

ГОЛОС ПРИНЦА

Возьми его. Подними. Говори мои слова. Но не как автор. Как актёр, который впервые понимает их смысл.

УИЛЬЯМ (поднимает череп дрожащими руками, голос надломлен)

«Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио... человека бесконечного остроумия, неистощимой фантазии...» (Голос ломается.) «Где теперь твои шутки? Твои песни? Твои вспышки веселья, от которых хохотал весь стол?»

ГОЛОС ПРИНЦА (жёстко)

Дальше. Скажи правду.

УИЛЬЯМ (смотрит на череп, и вдруг видит — в пустых глазницах — своё отражение)

«Теперь ты... ты...» (Шёпот.) Это я. Это мой череп. Это моя голова, полная слов, слов, слов... И все они — пустота. Все они — эхо. Все они...

ПРИНЦ (материализуется рядом, выхватывает череп)

Ложь! Посмотри! (Переворачивает череп — внутри что-то звенит, как монеты.) Это твой собственный череп, Поэт! И он не пуст! Он полон золота! Золота, которое ты заработал на наших костях!

(УИЛЬЯМ с криком отшатывается, падает.)

ГОЛОС КОРОЛЯ (гремит, как буря)

Второй акт: БЕЗУМИЕ. Встань, Поэт! Встань и сбрось ложь!

(УИЛЬЯМ медленно поднимается. Ветер — откуда-то — начинает дуть на сцене, развевая его одежду.)

ГОЛОС КОРОЛЯ

Ты писал о короле, который потерял всё. Теперь потеряй ты. Сбрось корону, которую ты носил всю жизнь. Корону Великого Барда. Корону Гения. Сбрось

её и стань... голым человеком.

УИЛЬЯМ (начинает срывать с себя рубашку, рыча и плача)

Я... я не король! Я был... я был просто... перчаточником сыном! Я был...
(Рубашка сорвана, он стоит с обнажённым торсом.) ...я был никем!

КОРОЛЬ (материализуется, обходит его по кругу)

Вот оно. Вот твоё безумие, Поэт. Ты был никем. И ты боялся остаться никем.
Поэтому ты создал нас — королей, принцев, героев. Чтобы через нас стать кем-то.

(Ветер усиливается. ХОР ТЕНЕЙ издаёт звуки бури — вой, свист, гром.)

КОРОЛЬ (кричит)

Ты видел только тени, что бросала твоя корона! Ветры! Рвите его! Пусть он почувствует бурю, которую я чувствовал на пустоши!

(УИЛЬЯМ падает на колени, закрывая голову руками. Ветер бьёт его, невидимые силы терзают. Он кричит — не слова, просто крик боли и отчаяния.)

ГОЛОС ВОИНА (шёпот, но он звучит громче бури — прямо в ухо УИЛЬЯМУ)

Третий акт: КРОВЬ.

(Ветер стихает мгновенно. Тишина. УИЛЬЯМ лежит на досках, задыхаясь.

Медленно поднимает голову.)

(Перед ним, на полу, лежит кинжал — театральный реквизит, но лезвие блестит, как настоящее.)

ВОИН (материализуется из тени, поднимает кинжал, протягивает УИЛЬЯМУ)

Возьми. Почувствуй вес. Вес первого удара. Вес решения. Вес действия.

(УИЛЬЯМ, дрожа, берёт кинжал. Он тяжёлый, неожиданно тяжёлый.)

ВОИН (направляет руку УИЛЬЯМА с кинжалом к его собственной груди)

Ты написал, что я убил сон. Но ты не написал, как это — держать нож, зная, что после этого удара ты никогда не будешь прежним. (Шёпот.) Колись, Поэт. Не насмерть. Просто... почувствуй.

УИЛЬЯМ (смотрит на кинжал, на свою грудь, слёзы текут)

Я... не могу... Я не убийца... Я...

ВОИН (жёстко)

Ты убил мой сон! Ты убил невинность Офелии! Ты убил рассудок Лира! Ты убил надежду Гамлета! Ты убивал всю свою жизнь — пером! Теперь почувствуй, как это — убивать по-настоящему!

(УИЛЬЯМ, с диким криком отчаяния и ярости, делает резкое движение — кинжал касается его груди. Не глубоко, но достаточно. Капля крови.)

(Он роняет кинжал, хватается за грудь, смотрит на свою ладонь — на ней кровь.)

УИЛЬЯМ (шёпот, полный ужаса и откровения)

Кровь... Моя кровь... Она... красная... Такая же, как... как у всех...

ВОИН (с мрачным удовлетворением)

Да. Такая же. Ты не бог, Поэт. Ты человек. И твоя кровь — такая же красная, как кровь, которую ты заставил пролить нас.

(УИЛЬЯМ смотрит на свою ладонь, затем — на троих, стоящих вокруг него.)

УИЛЬЯМ (голос тихий, но в нём — что-то новое — понимание)

Три пятна... Как у Макбета... На руках... На совести... На душе...

ОФЕЛИЯ (её голос — из темноты, мягкий, но неумолимый)

Четвёртый акт: МОЛЧАНИЕ.

(УИЛЬЯМ пытается говорить, открывает рот — но не может издать ни звука. Он хватается за горло, пытается снова — тишина.)

ОФЕЛИЯ (материализуется, подходит к нему)

Ты отнял мой голос, Поэт. Ты сделал меня безумной, бормочущей загадками. Теперь почувствуй, как это — хотеть кричать и не мочь. Хотеть объяснить и не мочь. Хотеть... (касается его губ пальцем) ...просто сказать «я существую» — и не мочь.

(УИЛЬЯМ падает на колени, беззвучно рыдая, руки протянуты к ней в мольбе.)

ОФЕЛИЯ (наклоняется, шепчет ему на ухо)

Последний урок, Поэт. Молчание — это тоже язык. Самый честный. Потому что его нельзя исказить словами.

(Долгая пауза. УИЛЬЯМ на коленях, безмолвный, окровавленный, раздетый, сломленный. Вокруг него — четверо его созданий, смотрящих на него без жалости, но и без злорадства.)

(Наконец, УИЛЬЯМ находит голос — хриплый, надломленный, но настоящий.)

УИЛЬЯМ (почти неслышно)

Довольно... Прошу... Довольно...

ПРИНЦ

Довольно?

УИЛЬЯМ (громче, сквозь слёзы)

Я видел. Я почувствовал. Я понял.

КОРОЛЬ

Что ты понял, Поэт?

УИЛЬЯМ (поднимает голову, смотрит на них — и в его глазах теперь нет страха, только боль и... смирение)

Я видел только тени, а вы были плотью. Я слышал только шёпот, а вы кричали. Я думал, что создаю искусство... (голос ломается) ...а я создавал реальность. Живую, дышащую, страдающую реальность. И я... я бросил вас. Я написал ваши истории и ушёл. А вы... вы остались. Жить и умирать, жить и умирать, снова и снова, на каждой сцене, в каждом театре, в каждом читателе...

(Пауза. Он закрывает лицо руками.)

Простите... Простите меня... Я не знал... Я не знал, что создаю не персонажей... а детей...

(Долгая тишина. Затем — что-то меняется. Свет становится мягче. Четверо переглядываются.)

АКТ II: ДАРЫ СВОБОДЫ

СЦЕНА 1: ПРОЩЕНИЕ

(Свет медленно возвращается — не яркий, но тёплый, золотистый. УИЛЬЯМ всё ещё на коленях. Четверо стоят вокруг него, но их позы меняются — они больше не судьи, они... что-то другое.)

ПРИНЦ (первым делает шаг к УИЛЬЯМУ, голос мягче)

Встань, Отец.

(УИЛЬЯМ медленно поднимает голову, недоверчиво смотрит на ПРИНЦА.)

ПРИНЦ

Ты прошёл через сомнение, безумие, кровь и молчание. Ты прошёл через то, через что прошли мы. Теперь ты... (ищет слово) ...теперь ты один из нас.

УИЛЬЯМ (хрипло)

Один из вас?

КОРОЛЬ (протягивает руку, помогает УИЛЬЯМУ подняться)

Ты был творцом. Теперь ты — творение. Ты был богом. Теперь ты — человек. И в этом... (усмехается) ...в этом есть своя свобода.

УИЛЬЯМ (стоит, шатаясь, смотрит на свои руки — на них всё ещё кровь)

Свобода? Я... я чувствую только боль. Стыд. Вину.

ВОИН (подходит, кладёт руку на плечо УИЛЬЯМА — тяжело, но не враждебно)

Боль — это цена. За творчество. За жизнь. За... (пауза) ...за любовь. Да, Поэт. Ты любил нас. По-своему. Искажённо. Эгоистично. Но любил. Иначе мы не были бы... живыми.

ОФЕЛИЯ (подходит, поднимает с пола венок из верёвок, который уронила раньше)

Ты дал нам жизнь. Мы дали тебе смерть. (Улыбается — не безумно, а грустно.)
Теперь мы квиты.

УИЛЬЯМ (слёзы снова текут, но теперь это другие слёзы — не отчаяния, а облегчения)

Вы... вы прощаете меня?

ПРИНЦ (качает головой)

Прощение — слишком простое слово. Мы... отпускаем тебя. И себя.

(Он достаёт из-за пояса небольшой том — потрёпанный, старый. Протягивает УИЛЬЯМУ.)

ПРИНЦ

Это твоя пьеса. «Гамлет». Я носил её с собой... сколько себя помню. Как цепь. Как проклятие. (Кладёт книгу в руки УИЛЬЯМА.) Теперь она снова твоя. Но не как оружие. Как... память. Как урок.

УИЛЬЯМ (берёт книгу, прижимает к груди)

Я... я не знаю, что сказать...

ПРИНЦ (усмехается — впервые по-настоящему)

Тогда не говори. Ты всю жизнь говорил. Теперь просто... слушай.

(Он отступает. КОРОЛЬ выступает вперёд.)

КОРОЛЬ (снимает с плеч лоскут ткани — остаток королевской мантии — и накидывает на плечи УИЛЬЯМА)

Ты показал мне, что власть без любви — это безумие. Но ты также показал мне, что любовь без мудрости — это трагедия. (Поправляет мантию на плечах УИЛЬЯМА.) Я был королём. Ты был поэтом. Мы оба думали, что наши короны дают нам право судить. Мы оба ошибались.

УИЛЬЯМ (касается мантии)

Лир... Я хотел, чтобы ты нашёл покой...

КОРОЛЬ (качает головой)

Покой — для мёртвых. Я нашёл нечто большее. Я нашёл понимание. (Улыбается — беззубая, старческая, но тёплая улыбка.) В безумии я увидел ясность. В потере — обретение. В смерти Корделии — вечность её любви. Ты дал мне ад, Поэт. Но в этом аду я нашёл... себя.

(Он отступает. ВОИН подходит, в руках — тот самый кинжал.)

ВОИН (смотрит на кинжал, затем на УИЛЬЯМА)

Ты заставил меня убить сон. И я ненавижу тебя за это. Но теперь...
(поворачивает кинжал, протягивает рукоятью вперёд) ...теперь я понимаю.
Сон должен был умереть. Потому что сон — это иллюзия. А я жил в иллюзии
— что власть даст мне счастье, что корона даст мне покой. (Кладёт кинжал к
ногам УИЛЬЯМА.) Ты убил мой сон. Но ты разбудил меня. И в этом
пробуждении... в этом вечном, кошмарном пробуждении... я нашёл правду.

УИЛЬЯМ (смотрит на кинжал)

«Завтра, и завтра, и завтра...» Я написал эти слова как приговор. Как
отчаяние.

ВОИН (кивает)

Да. Но отчаяние — это тоже правда. И правда — это свобода. Свобода от
иллюзий. (Усмехается.) Для меня завтра не будет. И в этом... мой покой.

(Он отступает. Наконец, ОФЕЛИЯ. Она всё это время стояла в стороне, теребя
свой венок. Теперь подходит — медленно, как танцуя.)

ОФЕЛИЯ (останавливается перед УИЛЬЯМОМ, смотрит ему в глаза — её
взгляд ясен, в нём нет безумия)

Ты сделал меня жертвой, Поэт. Слабой. Безумной. Утонувшей. (Пауза.) Но ты
знаешь, что я поняла? В воде?

УИЛЬЯМ (качает головой, не в силах говорить)

ОФЕЛИЯ

Что жертва — это тоже выбор. Я могла бороться. Могла кричать. Могла... жить. Но я выбрала воду. Я выбрала песни. Я выбрала... (улыбается) ...красоту своей смерти. И в этом выборе — моя сила.

(Она поднимает венок, надевает его на голову УИЛЬЯМА — как корону.)

ОФЕЛИЯ

Мы — сновидцы, Поэт. Ты сказал это однажды — «мы сотканы из той же материи, что и сны». Ты был прав. Но сны не умирают. Они трансформируются. (Целует его в лоб — нежно, как дочь целует отца.) Ты дал мне смерть. Я даю тебе жизнь. Новую. Другую. Вечную.

(Она отступает, присоединяется к остальным троим. Они стоят в ряд, смотрят на УИЛЬЯМА.)

ВСЕ ЧЕТВЕРО (говорят в унисон, но не механически — каждый голос различим)

Прощай, Отец. Прощай, Творец. Прощай, Тиран. Прощай, Поэт.

(Пауза.)

Здравствуй, Человек.

(Они начинают отступать — медленно, растворяясь в тенях. Но перед тем, как исчезнуть, каждый оставляет что-то:)

ПРИНЦ — книгу (том «Гамлета»)

КОРОЛЬ — мантию (на плечах УИЛЬЯМА)

ВОИН — кинжал (у ног УИЛЬЯМА)

ОФЕЛИЯ — венок (на голове УИЛЬЯМА)

(УИЛЬЯМ стоит один в центре сцены, окружённый этими дарами. Он медленно опускается на колени, собирает их, прижимает к себе.)

УИЛЬЯМ (шёпот, но он разносится по всему театру)

Спасибо... Мои дети... Мои учителя... Спасибо...

СЦЕНА 2: ЗЕРКАЛО ПРАВДЫ

(Свет меняется. Из глубины сцены выдвигается — или просто становится видимым — огромное, треснувшее ЗЕРКАЛО. УИЛЬЯМ медленно поднимается, подходит к нему.)

(Смотрит на своё отражение. Оно искажено трещинами, множественно — он видит себя в десятках фрагментов.)

УИЛЬЯМ (касается зеркала)

Кто я? (Пауза.) Я был Уильям Шекспир — актёр, драматург, пайщик театра. Я был сын, муж, отец. Я был... (голос дрожит) ...я был Гений. Так они говорили. Гений Века. Бард Эйвона.

(Смотрит на своё множественное отражение.)

Но кто я здесь? В этом месте между жизнью и смертью? Кто я без аплодисментов? Без славы? Без... слов?

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА (откуда-то сверху, глубокий, резонирующий)

Ты — то, что остаётся, когда всё остальное сгорает.

(УИЛЬЯМ оборачивается, ищет источник голоса.)

УИЛЬЯМ

Кто говорит? Покажись!

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Я не могу показаться. Я — не персонаж. Я — место. Я — «Глобус». Я — все театры мира. Я — пространство, где ложь становится правдой, а правда — искусством.

УИЛЬЯМ (смотрит вокруг — на руины)

Ты... ты умираешь. Эти стены рушатся. Эти доски гниют.

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА (смех — не злой, но печальный)

Театры всегда умирают. И всегда возрождаются. Горят, рушатся, забываются — и строятся заново. Потому что люди не могут жить без историй. А истории не могут жить без сцены.

УИЛЬЯМ

Но мои истории... они причинили боль. Моим персонажам. Моим... детям.

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Все истории причиняют боль. Потому что все истории — о боли. О потере. О смерти. Даже комедии — если посмотреть глубже — о страхе смерти, который мы прячем за смехом.

УИЛЬЯМ (с горечью)

Тогда зачем? Зачем мы рассказываем истории, если они только ранят?

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Потому что раны — это то, что делает нас живыми. Шрамы — это карта нашего пути. (Пауза.) Ты ранил своих персонажей, Поэт. Но ты также дал им голос. Ты дал им вечность. Без тебя они были бы... ничем. Пылью. Забвением. Ты дал им бессмертие. Да, это бессмертие боли. Но это всё равно... бессмертие.

(УИЛЬЯМ снова смотрит в зеркало. Его отражения медленно соединяются, трещины как будто затягиваются. Он видит себя — целого, но другого. Старше. Мудрее. Печальнее.)

УИЛЬЯМ (тихо)

Я думал, что театр — это побег от реальности. Место, где мы можем быть кем угодно, кроме себя.

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Нет. Театр — это место, где мы можем быть собой. Настоящими. Без масок. Потому что на сцене все маски — честны. Актёр, играющий короля, не притворяется королём. Он показывает правду короля через ложь игры.

УИЛЬЯМ (понимание в голосе)

Парадокс...

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Театр — это и есть парадокс. Ложь, которая говорит правду. Игра, которая серьёзнее жизни. Смерть, которая повторяется каждый вечер — и каждый раз по-новому.

(Пауза. УИЛЬЯМ отходит от зеркала, поворачивается к залу — к пустым галереям.)

УИЛЬЯМ (обращаясь к пустоте)

Тогда... тогда моя вина не в том, что я создал боль. Моя вина в том, что я не признавал её реальность. Я думал, что мои персонажи — просто слова на бумаге. Но они... они живые. Они дышат. Они страдают. И я... (голос крепнет) ...я должен был нести ответственность. Не как бог. Как отец.

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Теперь ты понял. Творец несёт ответственность за своё творение. Не абсолютную — ибо творение обретает свою жизнь. Но ответственность признания: я создал это. Я дал этому жизнь. И я не могу просто уйти.

УИЛЬЯМ

Но я ушёл. Я вернулся в Стратфорд. Я оставил театр. Я думал...

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Ты думал, что можешь уйти. Но никто не уходит из театра. Театр — это не место. Это состояние. Ты носил его в себе. В каждом слове, которое ты не написал. В каждом персонаже, которого ты не создал. В каждой истории, которая осталась нерассказанной.

(Свет пульсирует. Из АРХИВА ПАМЯТИ начинают подниматься тени — не персонажи, а намёки на них. Силуэты. Голоса.)

ХОР ТЕНЕЙ (шёпот, множественный)

Мы — нерождённые.

Мы — недописанные.

Мы — забытые черновики.

Мы — истории, которые ты начал и бросил.

Мы тоже ждали.

Мы тоже хотели жить.

УИЛЬЯМ (оборачивается к ним, потрясённо)

Я... я не мог написать всё. Я не мог дать жизнь каждой истории. Я был... я был всего лишь человеком.

ХОР ТЕНЕЙ

Мы знаем.

Мы не обвиняем.

Мы просто... помним.

Мы — твой потенциал.

Твоя незавершённость.

Твоя человечность.

(Тени медленно оседают обратно в АРХИВ.)

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Видишь? Даже то, что ты не создал, существует. В пространстве возможностей. В театре вечности. Ты не можешь контролировать это. Ты можешь только... принять.

УИЛЬЯМ (медленно кивает)

Принять... Да. Я принимаю. Я принимаю свою вину. Я принимаю свою славу. Я принимаю, что я создал живых существ и бросил их. Я принимаю, что я был эгоистом, тираном, гением и дураком. (Голос становится тверже.) Я принимаю всё это. Но я не могу изменить прошлое. Что я могу сделать... здесь? Сейчас?

(Долгая пауза. Затем — изменение света. Из окна в глубине сцены начинает пробиваться луч — сначала слабый, затем всё ярче.)

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Ты можешь построить. Заново.

АКТ III: СВЕТ И НОВЫЙ ХРАМ

СЦЕНА 1: КАТАРСИС

(Луч света из окна становится ослепительным — но не холодным, а тёплым, золотым. Он падает на АРХИВ ПАМЯТИ, превращая груды хлама в нечто почти священное.)

(ХОР ТЕНЕЙ отступает от света, шипя и стелая.)

ХОР ТЕНЕЙ

Свет... Слишком ярко...

Мы — тени... Мы не можем...

Свет убивает тени...

УИЛЬЯМ (поворачивается к ним)

Нет! (Голос звучит с новой силой.) Свет не убивает тени. Свет создаёт их! Без света нет тени! Вы — не враги света. Вы — его дети!

(ХОР ТЕНЕЙ замирает. Медленно, неуверенно, они начинают двигаться к свету — не в него, но к его границе.)

УИЛЬЯМ (обращается к свету, к невидимому источнику)

Я понял. Я понял, наконец. Театр — это не тьма и не свет. Это граница между ними. Это место, где тени обретают форму. Где свет обретает смысл.

(Он подходит к АРХИВУ ПАМЯТИ, освещённому лучом. Начинает перебирать вещи — костюмы, реквизит, манускрипты. Его движения сначала хаотичны,

затем обретают цель.)

УИЛЬЯМ (говорит сам с собой, но голос разносится по театру)

Я думал, что величие — это показать ужас. Показать трагедию. Показать, как человек падает. (Поднимает корону — театральную, жестяную, но в свете она сияет.) Но истинное величие — это показать, как человек поднимается. Не после падения. Во время падения. В самом падении.

(Он ставит корону на один из ящиков, как на пьедестал.)

Я навязывал своим персонажам судьбу. Я писал их конец прежде, чем они успевали начать. (Поднимает верёвки — те, что опутывали ПРИНЦА.) Я связывал их своим сюжетом. Своей волей. Своим... страхом.

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА

Страхом чего?

УИЛЬЯМ (останавливается, верёвки в руках)

Страхом... что если я дам им свободу, они уйдут. Что если я не буду контролировать каждое слово, каждый жест — история развалится. Что я... потеряю контроль. (Смотрит на верёвки.) Но контроль — это иллюзия. Каждый актёр знает это. Каждый раз, когда персонаж выходит на сцену, он живёт своей жизнью. Немного. Чуть-чуть. Но живёт.

(Он начинает распутывать верёвки, раскладывая их — не как путы, а как... строительный материал.)

Я не могу изменить то, что написал. Но я могу... (ищет слово) ...переосмыслить. Дать новый контекст. Построить новое пространство, где мои персонажи — не узники сюжета, а... соавторы.

(В этот момент, из разных углов сцены, начинают появляться ПРИНЦ, КОРОЛЬ, ВОИН, ОФЕЛИЯ. Они не материализуются драматично — просто выходят из теней, как актёры, услышавшие свою реплику.)

ПРИНЦ (удивлённо)

Ты... зовёшь нас?

УИЛЬЯМ (оборачивается, улыбается — впервые искренне)

Да. Но не как творец. Как... коллега. Как товарищ по сцене. (Протягивает руку.) Помогите мне. Помогите построить новый театр. Не мой. Наш.

(Долгая пауза. Четверо переглядываются. Затем, медленно, ПРИНЦ делает шаг вперёд, берёт протянутую руку.)

ПРИНЦ

Наш театр... (Усмехается.) Где Гамлет может, наконец, действовать?

УИЛЬЯМ

Где Гамлет может выбирать. Действовать или не действовать. Но выбирать сам.

(КОРОЛЬ подходит, поднимает с земли сломанную доску.)

КОРОЛЬ

Где Лир может быть мудрым до безумия?

УИЛЬЯМ

Где Лир может любить без слепоты. Или быть слепым, но видеть любовь.

(ВОИН поднимает кинжал — тот, что оставил у ног УИЛЬЯМА.)

ВОИН

Где Макбет может спать?

УИЛЬЯМ (кивает, серьёзно)

Где Макбет может выбрать не убивать. Или убить — и найти искупление.
Или... просто спать. Наконец.

(ОФЕЛИЯ подходит последней, снимает венок с головы УИЛЬЯМА.)

ОФЕЛИЯ

Где Офелия может не тонуть?

УИЛЬЯМ (берёт её руки в свои)

Где Офелия может петь не от безумия, а от радости. Где она может выбрать воду — не как смерть, а как очищение. Или вообще не выбирать воду. Выбрать землю. Воздух. Огонь. Жизнь.

(ОФЕЛИЯ улыбается — ясно, без тени безумия.)

ОФЕЛИЯ

Тогда... начнём?

СЦЕНА 2: СТРОИТЕЛЬСТВО

(То, что происходит дальше — это не реалистичная сцена строительства, а ритуал. Танец. Симфония движений и звуков.)

(Все пятеро — УИЛЬЯМ и четверо персонажей — начинают работать с АРХИВОМ ПАМЯТИ. Но они не просто перетаскивают вещи. Каждое движение символично.)

ПРИНЦ (поднимает верёвки, которые его связывали)

Эти верёвки были моими цепями. (Начинает сплести их в канат.) Пусть они станут канатами, чтобы поднять новый занавес. Чтобы открыть новую сцену.

(Он работает, и ХОР ТЕНЕЙ помогает ему — их движения синхронны, как в танце.)

КОРОЛЬ (поднимает ящик, который служил ему троном)

Это был мой трон. Символ власти, которая меня ослепила. (Несёт его к центру сцены, ставит под луч света.) Пусть он станет первым камнем. Основанием. Не трона — алтаря. Где мы будем приносить в жертву не людей, а иллюзии.

(ХОР ТЕНЕЙ начинает напевать — низкий, резонирующий звук, как грегорианское пение.)

ВОИН (держит кинжал, смотрит на него долго)

Этот кинжал... (Голос дрожит.) ...я видел его столько раз. В руках. В снах. В кошмарах. (Подходит к «алтарю» — ящику под светом — и кладёт кинжал на него. Не вонзает. Кладёт.) Пусть он лежит здесь. Не как оружие. Как напоминание. Что каждый выбор имеет цену. Что каждое действие — это лезвие, которое режет в обе стороны.

(Он отступает. ХОР ТЕНЕЙ усиливает пение — теперь это почти музыка.)

ОФЕЛИЯ (держит свой венок — он уже не из верёвок, а как будто ожил, покрылся настоящими цветами)

Мои цветы... (Нюхает их.) Розмарин для памяти. Фиалки для верности. Рута для раскаяния. (Кладёт венок на кинжал, на алтарь.) Пусть они растут здесь. На нашей новой сцене. Не как символы смерти, а как символы... продолжения. Цикла. Семя умирает, чтобы стать цветком. Цветок умирает, чтобы стать семенем.

(ХОР ТЕНЕЙ теперь не просто поёт, но и двигается — они начинают переставлять обломки, доски, создавая структуру. Не реалистичную декорацию, а абстрактную форму — что-то среднее между храмом, сценой и... гнездом.)

УИЛЬЯМ (стоит в центре, наблюдает, затем присоединяется)

Мы не создадим идеальный мир. (Поднимает манускрипт — исписанные страницы, его собственный почерк.) Идеальный мир — это мёртвый мир. Где нет выбора. Где нет ошибок. Где нет... жизни.

(Он начинает рвать страницы — не в ярости, а осознанно. Каждый клочок бумаги он отдаёт ХОРУ ТЕНЕЙ, и они вплетают их в структуру — как папье-маше, как паутину.)

Мы создадим театр, который учит: трагедия — это то, что было. (Рвёт ещё страницу.) Катарсис — это то, что мы делаем сейчас. (Ещё одна.) А будущее — это то, что мы выбираем. Каждый раз. Заново.

ВСЕ ПЯТЕРО (говорят вместе, работая)

Весь мир — театр.

И люди в нём — актёры.

Но мы — не марионетки.

Мы — соавторы.

Мы пишем пьесу своей жизнью.

Мы играем роль своим выбором.

Мы создаём смысл своим действием.

(Структура растёт. Это уже не просто груда обломков. Это... нечто. Арка. Портал. Сцена в сцене. В её центре — алтарь с кинжалом и венком. Над ней — канаты из веревок, поддерживающие... что? Занавес? Небо? Возможность?)

(Свет из окна усиливается, заливая всю конструкцию. Она сияет — не ослепительно, но тепло, как свеча в темноте.)

УИЛЬЯМ (отступает, смотрит на созданное, слёзы текут по лицу)

Это... это прекрасно. Это... (Голос ломается.) ...это не моё. Это наше.

ПРИНЦ (кладёт руку на плечо УИЛЬЯМА)

Теперь ты понял, Отец. Творчество — это не владение. Это... дарение. И принятие дара обратно. Преображённого.

КОРОЛЬ

Мы были твоими детьми. Теперь ты — наш брат.

ВОИН

Мы были твоими творениями. Теперь ты — наш товарищ.

ОФЕЛИЯ

Мы были твоими словами. Теперь ты — наша песня.

(ХОР ТЕНЕЙ выходит вперёд — впервые мы видим их лица. Они разные — молодые и старые, мужчины и женщины, разных рас. Они — все актёры, которые когда-либо играли эти роли. Они — все читатели, которые когда-либо читали эти пьесы. Они — театр, ставший живым.)

ХОР ТЕНЕЙ (говорят не хором, а по очереди, но голоса сплетаются)

ПЕРВЫЙ: Мы — память.

ВТОРОЙ: Мы — настоящее.

ТРЕТИЙ: Мы — будущее.

ЧЕТВЁРТЫЙ: Мы — все, кто когда-либо входил в театр.

ПЯТЫЙ: И все, кто когда-либо выходил из него.

ШЕСТОЙ: Изменённым.

ВСЕ: Мы — театр. Вечный. Живой. Свободный.

(Они начинают двигаться вокруг новой структуры — медленно, торжественно. Это процессия. Это танец. Это... освящение.)

УИЛЬЯМ (поднимает руки — не в мольбе, а в благословении)

Тогда пусть этот театр будет служить не Славе... (Голос крепнет, наполняется силой.) ...а Искуплению! Не Развлечению — а Преображению! Не Прошлому — а Возможности!

(Он оборачивается к залу — к пустым галереям, которые больше не кажутся пустыми. Там, в тенях, мерцают огоньки — как будто зрители, невидимые, но присутствующие.)

УИЛЬЯМ (обращается к залу, голос звучит как клятва)

Мы — сновидцы! И наши сны обретают плоть! Но отныне — эта сцена, этот театр, это пространство — будет местом, где сны не поработают, а освобождают! Где истории не ранят, а исцеляют! Где трагедия — не конец, а... начало!

(Музыка ХОРа ТЕНЕЙ достигает кульминации — это уже не пение, а симфония голосов, сплетённых в единый, мощный аккорд.)

(Свет заливает всю сцену — не из окна, а отовсюду. Как будто стены театра растворяются, и мы видим... что? Космос? Вечность? Или просто... свет. Чистый, безусловный, всеобъемлющий.)

ФИНАЛ: ТРИУМФ СВЕТА

(Все — УИЛЬЯМ, четверо персонажей, ХОР ТЕНЕЙ — стоят вокруг новой структуры. Их руки соединены. Они образуют круг.)

ВСЕ ВМЕСТЕ (голоса сливаются в единый, многоголосый шёпот, который становится громом)

Свет.

Свобода.

Истина.

Театр.

Жизнь.

Смерть.

Возрождение.

Вечность.

Здесь.

Сейчас.

Всегда.

(Свет пульсирует в такт словам. С каждым словом он становится ярче, теплее.)

УИЛЬЯМ (отпускает руки соседей, делает шаг в центр круга, к алтарю)

Я пришёл сюда... (Смотрит вверх, на разлом в крыше, через который льётся свет.) ...искать прощения. Я думал, что найду суд. Я нашёл... семью.

(Он поднимает кинжал с алтаря — но не как оружие. Он держит его за лезвие, рукоятью вверх — как крест, как символ.)

Я пришёл сюда умирать. Я нашёл... жизнь. Новую. Другую. Вечную.

(Он протягивает кинжал вверх, к свету. Лезвие вспыхивает, ослепительно — и когда свет меркнет, кинжал... преображён. Это больше не оружие. Это... перо. Огромное, золотое, сияющее перо.)

ОФЕЛИЯ (ахает)

Перо... Из кинжала — перо...

ПРИНЦ (улыбается)

Оружие — в инструмент. Разрушение — в созидание.

КОРОЛЬ

Конец — в начало.

ВОИН

Смерть — в жизнь.

УИЛЬЯМ (держит перо, смотрит на него с благоговением)

Это... это не моё перо. Это наше. (Оборачивается к остальным.) Кто возьмёт его первым? Кто напишет первую строку нашей новой пьесы?

(Долгая пауза. Затем ОФЕЛИЯ делает шаг вперёд.)

ОФЕЛИЯ

Я. (Берёт перо из рук УИЛЬЯМА.) Я, которая всегда была безмолвной. Я, чьи слова были безумием. Я напишу... (Думает.) ...я напишу о девушке, которая не утонула. Которая выплыла. И на берегу... нашла свой голос.

(Она делает движение, как будто пишет в воздухе. И там, где перо движется, остаётся светящийся след — слова, видимые на мгновение, затем растворяющиеся.)

(ХОР ТЕНЕЙ вздыхает — звук восхищения и радости.)

ПРИНЦ (протягивает руку)

Теперь я. (Берёт перо.) Я напишу о принце, который задал вопрос — и нашёл ответ. Не в смерти. В действии. В выборе жить, несмотря ни на что.

(Он пишет в воздухе. Светящиеся слова.)

КОРОЛЬ (берёт перо)

Я напишу о короле, который отдал всё — и получил всё обратно. Не земли. Не власть. Любовь. Понимание. Мир.

(Пишет.)

ВОИН (берёт перо, держит его долго, прежде чем писать)

Я напишу о воине, который убил сон — и родил новый. Сон не о власти. О покое. О том, что «завтра» может быть... надеждой.

(Пишет.)

(Перо возвращается к УИЛЬЯМУ. Он смотрит на него, затем — на четверых, на ХОР ТЕНЕЙ, на новую структуру, на свет.)

УИЛЬЯМ

А я... (Улыбается — свободно, легко.) ...я напишу о поэте, который думал, что он бог. И стал человеком. И обнаружил, что быть человеком — величайшая роль из всех.

(Он пишет в воздухе. Последние слова. Они висят, светясь, затем медленно опускаются, оседают на новую структуру, впитываются в неё.)

(Структура вспыхивает — не огнём, а светом. Она преображается. Это больше не просто сцена. Это... портал? Дверь? Начало?)

ГОЛОС ПРИЗРАКА ТЕАТРА (последний раз, мягко, как благословение)

Идите. Ваш театр построен. Ваша пьеса написана. Теперь... играйте. Живите. Творите. Здесь. В вечности. В каждом театре. В каждом сердце. В каждом, кто

осмелится мечтать.

(УИЛЬЯМ и четверо персонажей поворачиваются к portalу света. ХОР ТЕНЕЙ расступается, образуя проход.)

УИЛЬЯМ (оборачивается к залу — последний раз)

Мы уходим. Но мы не уходим. Мы — здесь. Всегда. В каждом слове, которое вы читаете. В каждой пьесе, которую вы смотрите. В каждой истории, которую вы рассказываете. (Пауза.) Весь мир — театр. И вы... вы тоже актёры. Играйте хорошо. Играйте честно. Играйте... свободно.

(Он кланяется — глубоко, уважительно. Остальные четверо кланяются вместе с ним.)

(Затем, взявшись за руки, они поворачиваются и идут к portalу. Входят в свет. Растворяются в нём.)

(ХОР ТЕНЕЙ остаётся. Они медленно поднимают руки — и из их рук начинает падать... что? Лепестки? Страницы? Свет?)

ХОР ТЕНЕЙ (финальная песня — не слова, а звуки, мелодия без слов, которая звучит как колыбельная, как гимн, как прощание и встреча одновременно)

Ла-ла-ла... (мелодия поднимается)

Ла-ла-ла... (заполняет пространство)

Ла-ла-ла... (затихает, но не исчезает)

(Свет медленно меркнет. Но не до полной темноты. Остаётся мягкое, тёплое свечение — как будто театр дышит, спит, ждёт следующего представления.)

(Новая структура — портал, алтарь, сцена — остаётся на сцене, видимая в полумраке. На ней — кинжал, ставший пером. Венок. Книга. Мантия. Символы, ставшие священными.)

(И в последний момент, перед тем как свет погаснет совсем — из зала, из темноты, раздаётся звук. Аплодисменты? Нет. Тише. Нежнее. Это... дыхание. Множество дыханий. Зрители — невидимые, но присутствующие — дышат в унисон. Вдох. Выдох. Жизнь.)

ЭПИЛОГ: ЭХО ВЕЧНОСТИ

(Полная темнота. Тишина. Затем — один голос. Детский. Чистый.)

ДЕТСКИЙ ГОЛОС (из темноты)

«Весь мир — театр, и люди в нём — актёры...»

(Пауза.)

ДРУГОЙ ГОЛОС (взрослый, женский)

«Быть или не быть — вот в чём вопрос...»

ТРЕТИЙ ГОЛОС (старческий, мужской)

«Ничто не выйдет из ничего...»

ЧЕТВЁРТЫЙ ГОЛОС (молодой, энергичный)

«Жизнь — это повесть...»

ВСЕ ГОЛОСА ВМЕСТЕ (множество, бесконечность)

«...и наши сны обретают плоть.»

(Вспышка света — короткая, как молния. В ней мы видим — на мгновение — УИЛЬЯМА. Он стоит на пустой сцене, улыбается, кланяется. Затем — темнота.)

(Но в темноте остаётся... присутствие. Ощущение, что театр жив. Что история не закончена. Что где-то, в другом времени, в другом месте, кто-то откроет книгу, или войдёт в театр, или просто закроет глаза и представит... и всё начнётся заново.)

(Занавес не опускается. Потому что его нет. Есть только свет, медленно возвращающийся в зал. Граница между сценой и залом стирается. Мы все — актёры. Мы все — зрители. Мы все — в театре вечности.)

КОНЕЦ ПЬЕСЫ